

УДК 93/94

DOI: 10.21209/1996-7853-2018-13-6-141-145

Снежана Сергеевна Цыпилова,*кандидат исторических наук,**Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН
(670047, Россия, г. Улан-Удэ, ул. Сахьяновой, 6),**e-mail: ai_qing@mail.ru*

Женщина в средневековой Монголии: краткий исторический обзор¹

В данной работе рассматривается роль и место женщины в средневековом монгольском обществе. Её повседневный быт и положение в семье нашли отражение в записях исследователей-путешественников того времени. В семье она неизменно пользовалась уважением. Глава семьи мог обратиться к ней за советом при принятии важных решений. В случае смерти мужа женщина становилась главой семьи – по крайней мере, до женитьбы старшего сына. Женщины из высших слоёв монгольского феодального общества часто становились регентами после смерти мужей. Значительное внимание уделено жизнеописанию четырёх ханш: Туракина, Огул-Гаймиш, Сорхактани-беки, Мандухай. Каждая из них оставила яркий след в монгольской истории. Их опыт управления государством не всегда был положительным. Тем не менее, представительницы высших слоёв общества проявляли лидерские качества и часто были успешны в борьбе за власть. В истории Монголии есть немало примеров, когда женщины оказывали существенное влияние на политические процессы в жизни государства. Для оценки положения и роли женщины в средневековом монгольском обществе были использованы следующие методы исторического исследования: хронологический, историко-биографический, сравнительно-исторический и конкретно-исторический методы. Данное исследование представляет интерес для историков, востоковедов и широкого круга читателей.

Ключевые слова: Монголия, женщина, традиционное общество, власть, брак, семья

Введение. Вопросы положения женщины в обществе находятся в центре внимания современной мировой общественности: историков, этнографов, социологов, культурологов, социальных антропологов, политологов и др. При сохранении традиционных основ общества, Монголия – динамично развивающаяся страна, вовлечённая в процессы глобализации и демократизации, в которой политическое и социально-экономическое положение женщин и мужчин постепенно выравнивается. Монгольский опыт эмансипации женщин представляет собой интерес как в силу быстроты его реализации, так и благодаря сохранению национальной идентичности, неотделимой от пастбищного скотоводства и кочевого образа жизни. На наш взгляд, роль женщины, представления о её функциях и месте в традиционном обществе важны для понимания современных процессов, происходящих в монгольском обществе.

В исторических летописях и заметках путешественников сохранились важные сведения, свидетельствующие о значимой роли женщины в средневековом монгольском обществе². Некоторые аспекты положения женщин в традиционном монгольском обществе

рассматривались в отечественных трудах учёных-монголоведов, в основном, это касалось вопросов брака и семьи [1; 3; 4]. В современном монголоведении (как в российском, так и зарубежном) женская проблематика часто рассматривается в политическом аспекте [5; 7; 9]. История и жизнь монгольских правительниц, роль женщины на политической арене – эти вопросы находятся в фокусе внимания. Целью нашего исследования является изучение места и положения женщины в средневековом монгольском обществе.

Методология и методы исследования.

В ходе работы были использованы следующие методы исторического исследования: хронологический, историко-биографический, сравнительно-исторический и конкретно-исторический методы. Применение данных методов позволило дать оценку положению и роли женщин в средневековом монгольском обществе, проанализировать социально-политические аспекты её «высокого» статуса в семье и обществе.

Результаты исследования и их обсуждение. В кочевой монгольской культуре женщина играла значительную роль. В семье женщина пользовалась немалым ува-

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта Правительства Российской Федерации № 14.W03.31.0016 «Динамика народов и империй в истории Внутренней Азии».

² История монголов. Путешествие в восточные страны / Гильом де Рубрук, Дж. П. Карпини; ред., вступ. ст. и примеч. Н. П. Шастиной. – М.: Гос. изд-во геогр. лит., 1957. – 270 с.; Сокровенное сказание монголов / пер. С. А. Козина. – Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1990. – 148 с.; Рашид-ад-дин. Сборник летописей / отв. ред. И. А. Орбели; пер. с перс. Ю. П. Верховского; примеч. Б. И. Панкратова и Ю. П. Верховского; ред. И. П. Петрушевского. – М.: Изд-во АН СССР, 1960. – Т. 2. – 248 с.

жением. Глава семьи мог обратиться к ней за советом при принятии важных решений. Мелкие хозяйственные вопросы она решала самостоятельно. В кочевой культуре подчёркивается высокая значимость женщины в её традиционной роли – жены. В одном из изречений Чингисхана о роли жены говорится следующее: «Мужчина не есть солнце, чтобы являться во всех местах людям; жена должна, когда муж займётся охотой или войной, держать дом в благолепии и порядке, так что если заедет в дом гонец или гость, увидит всё в порядке, и она приготовит хорошее кушанье, и гость не будет нуждаться ни в чём, непременно она доставит мужу хорошую репутацию и возвысит имя его в собраниях, подобно горе, воздымающей вершину. Хорошие мужья узнаются по хорошим жёнам. Если же жена будет дурна и бестолкова, без рассудка и порядка, будут от неё видны дурные качества мужа [2, с. 27]». Так, ещё во времена Чингисхана на женщину смотрели, как на помощницу мужчины, как на представительницу его дома. Благосостояние мужа, его репутация отчасти были обусловлены хорошими или плохими качествами жены.

Можно отметить, что в условиях кочевой цивилизации существовал определённый тип поведения женщины, которому были свойственны почитание мужчины и жертвенность. Для свободы мужчины и его жизни женщина добровольно (а иногда, возможно, по стечению обстоятельств) могла обречь себя на плен или на смерть. В «Сокровенном сказании монголов» приводятся несколько примеров подобной ситуации. Одна история рассказывает об Оэлун, матери Чингисхана. Оэлун для спасения жизни своего жениха Чиледу убеждает его покинуть её и бежать. Она произносит следующие слова: «По лицам их видно, что дело идёт о твоей жизни. Но ведь был бы ты жив-здоров, девушки же в каждом возке найдутся; жёны в каждой кибитке найдутся»¹.

В другом случае, Борте, жена Темуджина, оказалась захваченной в плен меркитами. Это произошло, когда Темуджин вместе с братьями были вынуждены спасаться бегством от внезапного нападения меркитов. Борте, оказавшаяся без лошади, была захвачена².

В XIII в. итальянский путешественник Плано Карпини одним из первых среди европейцев посетил монгольскую империю и оставил описание своего путешествия, известного как «История Монгалов». В своих записях он пишет также о взаимоотношении

¹ Сокровенное сказание монголов / пер. С. А. Козина. – Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1990. – С. 6.

² Там же. – С. 15.

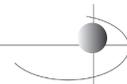
мужчины и женщины в монгольском обществе. В повседневной жизни мужчины охотились и тренировались в стрельбе, выбирали пастбище для скота, изготавливали стрелы. Девушки и женщины владели навыками верховой езды, стрельбой из лука так же хорошо, как мужчины. Подобная хорошая подготовка, необходимая в период военных действий также подтверждает относительно высокий статус женщины и её значимость в кочевом монгольском обществе. Кроме того, женщины шили одежду и сапоги, часто из кожи, правили повозками и могли починить их в случае необходимости, выучили верблюдов «и во всех делах были очень проворны и скоры»³. В мирное время монгольские женщины, помимо домашних обязанностей, исполняли большую часть мужской работы, также участвовали в общей охоте на диких зверей. Во время военных походов часто сопровождали мужей, где «помогали им и заменяли, где могли»⁴. Женщина, оставаясь женой и матерью, при необходимости могла сражаться и охотиться, быть сильной, смелой и выносливой.

Брак у монголов был полигамным, обязательно предусматривался калым (выкуп) за невесту. Также отмечается присутствие «пережитков когнатных отношений», когда было в обычае оставлять будущего зятя в семье его будущей жены [4, с. 61]. Например, когда договаривались о браке Чингисхана с Борте, Есугей-багатур оставил своего 9-летнего сына «в зятях» в доме Дай-Сечена. Как писал Плано Карпини, каждый монгол мог иметь столько жён, сколько позволяло его экономическое положение. Мужчина мог вступить в брак с любой женщиной, за исключением собственной матери и женщин, с которыми состоял в родстве первой и второй степени по материнской линии. Среди монголов были распространены такие формы брака, как левират и сорорат. Так, младший брат был обязан жениться на жене своего брата после его смерти. В другом случае, вдовец мог взять в жёны младшую сестру покойной жены. Дети от разных жён, в том числе от наложниц, были равны между собой. «Отец даёт каждому из них, что хочет, и если он из рода князей, то сын наложницы является князем постольку же, как и сын законной супруги»⁵.

³ История монголов. Путешествие в восточные страны / Гильом де Рубрук, Дж. П. Карпини; ред., вступ. ст. и примеч. Н. П. Шастиной. – М.: Гос. изд-во геогр. лит., 1957. – С. 50.

⁴ Там же. – С. 51.

⁵ История монголов. Путешествие в восточные страны / Гильом де Рубрук, Дж. П. Карпини; ред., вступ. ст. и примеч. Н. П. Шастиной. – М.: Гос. изд-во геогр. лит., 1957. – С. 60.

Среди представителей монгольской аристократии часто были распространены политические брачные союзы. В летописях Рашид-ад-дина сообщается, что все дочери Чингисхана были выданы замуж за наследников или правителей разных племенных обществ. Так, Ходжин-бэки была выдана замуж за Буту-гурэна из племени икирас, Чичиган была выдана замуж за сына правителя племени ойрат, Алахай-бэки выдали за сына государя племени онгут, Тумэлун – за сына государя кунгират, Алталун была выдана замуж за Таджу-гургэна из племени олкунут¹.

В монгольском традиционном обществе в большинстве случаев женщины напрямую не участвовали в принятии политических решений, их роль чаще всего была ограничена только хозяйственными функциями. Однако в истории Монголии есть немало примеров, когда женщины оказывали существенное влияние на политические процессы в жизни государства. Женщины из высших слоёв монгольского общества часто становились правительницами после смерти мужей. Приведём пример:

– Туракина – жена Угедэя (третьего сына Чингисхана и Борте, ставшего преемником своего отца), возглавившая империю после смерти мужа;

– Огул-Гаймиш (...-1252) – супруга Гуюка, сына Угедэя и Туракины, как и её свекровь, вставшая во главе империи после смерти супруга;

– Сорхактани-беки (ок. 1190–1252) – жена Тулуя, четвёртого сына Чингисхана, мать трёх монгольских ханов и основателя государства ильханов в Иране;

– Мандухай (1449–1510/1526) – супруга двух монгольских ханов, благодаря которой Монгольское ханство сохранило своё существование в период глубочайшего кризиса.

Остановимся подробнее на жизнеописании вышеупомянутых ханш. Туракина, невестка Чингисхана, стала первой женщиной, которая официально встала у власти Монгольской империи после смерти мужа. Ещё в последние годы правления хана Угедэя она принимала участие в управлении государственными делами, с согласия супруга издавала указы, подписываясь «Великая хатун». Туракина сохраняла за собой регентство над Монгольской империей в течение 5 лет, отсрочивая созыв курултая для избрания нового хана. Однако её правление было негативно оценено как со стороны её современников,

¹ Рашид-ад-дин. Сборник летописей / отв. ред. И. А. Орбели; пер. с перс. Ю. П. Верховского; примеч. Б. И. Панкратова и Ю. П. Верховского; ред. И. П. Петрушевского. – М.: Изд-во АН СССР, 1960. – Т. 2. – 248 с.

так и со стороны историков. Рашид-ад-дин в своём сочинении пишет, что она «посеяла смуту, так как не вняла последней воле Чингисхана и не слушала слов родичей». Отметим, что её заслугой является то, что она сохранила единство Монгольской империи, оставив трон за наследниками по прямой ветви Чингисхана. Умерла Туракина в 1246 г., вскоре после избрания Гуюка ханом Монгольской империи [5, с. 32].

Следующей женщиной, оказавшейся у власти, стала вдова хана Гуюка – Огул-Гаймиш, время правления которой также отрицательно оценивается историками. По предложению Бату-хана именно она стала выполнять обязанности регентши, опираясь на сановников покойного мужа. По сведениям Рашид-ад-дина, во время регентства она не занималась государственными делами, основное время проводила, общаясь с шаманами и заключая сделки с купцами. Ещё одним свидетельством её некомпетентности в управлении империей стал визит французского дипломата Андре де Лонжюмо. Он, представляя французского короля Людовика IX, прибыл с предложением о союзе против мусульман. Подарки короля были приняты как дань, а вместо сотрудничества в борьбе с мусульманами было выдвинуто требование подчиниться и платить дань. Государственные дела пришли в упадок. Был созван курултай и в 1251 г. был избран ханом Мункэ. Сыновья Огул-Гаймыш предприняли попытку покушения на него, однако они потерпели неудачу. Огул-Гаймиш была казнена, подверглись расправе и другие её родственники и приближённые люди [5, с. 48–52]².

Сорхактани-беки была старшей женой Тулуй-хана и никогда официально не занимала трон, но оставила яркий след в средневековой истории Монголии. Она происходила из знатного рода, являясь родственницей кераитского хана Тогрула. В высказываниях современников можно встретить единство мнений о её политической мудрости, ловкости, толерантности по отношению к другим религиям. Придерживаясь христианства несторианского направления, она поддерживала религиозных деятелей буддизма, мусульманства. Пригласила учёных уйгуров, монголов, китайцев и арабов обучать своих детей. Четверо её сыновей в разное время занимали ханский престол – Мунке и Хубилай были ханами Монгольской империи, Арик-Буга в течение нескольких лет претендовал на ханский престол, Хулагу являлся основоположником династии ильханов в Иране. Ра-

² Там же. – С. 99.

шид-ад-дин сравнивал Сорхатани с Оэлун, матью Чингисхана: обе после смерти мужей сами воспитали своих детей, благодаря усилиям матерей дети достигли могущества [5, с. 58–62; 10].

Мандухай-хатун была второй женой хана Мандугула, потомка Хубилай-хана. В сложной политической и исторической ситуации она возглавила распадающееся государство. Ей удалось, победив ойратов и объединив большинство монгольских племён, сохранить влияние потомков Чингисхана в Монголии. Политика, направленная на объединение монгольских племен была продолжена Даян-ханом и его потомками. Образ Мандухай-хатун был популярен среди монгольского народа. В Позднем Средневековье было сложено стихотворно-поэтическое «Сказание о Мандухай Цэцэн-хатун». В 1943 г. написана пьеса «Мудрая Мандухай» Ц. Цэдэнжавом и Б. Бастом. В 1988 г. вышел монгольский фильм «Мудрая княжна Мандухай», основанный на одноимённом историческом романе Ц. Нацагдоржа. Образ Мандухай-хатун используется в поэме монгольского поэта Р. Чойнома «Монголка» [5].

Заключение. Опыт взаимодействия мужчины и женщины в традиционной кочевой культуре полезен для понимания современного гендерного состояния монгольского общества, которое органично сочетает в себе

элементы традиционной кочевой культуры и достижений современной цивилизации.

В кочевом монгольском обществе женщина пользовалась уважением, главным образом, как жена и мать семьи. В одном из изречений Чингисхана подчёркивается, что репутация мужа напрямую зависела от поведения и качеств его жены. Высокий статус в обществе налагал на женщину и определённую степень ответственности. Например, во время войны жена сопровождала мужа и могла его заменить в случае необходимости в войске. Женщина, оставаясь женой и матерью, при необходимости могла сражаться и охотиться, быть сильной, смелой и выносливой. После смерти мужа жена могла возглавить семью и быть ответственной за воспитание детей.

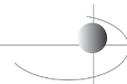
Одновременно, она была для мужа соратником, мудрым советчиком, к которому он обращался при решении сложных вопросов. Монгольские женщины были практически равными в правах с мужчинами как в повседневной жизни, так и в период военных действий, при принятии важных государственных решений.

Представительницы высших слоёв монгольского общества, находившиеся в непосредственной близости к «трону», боролись за власть и достаточно успешно правили Монгольской империей.

Список литературы

1. Банчиков Г. Г. Брак и семья у монголов. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1964. 59 с.
2. Вернадский Г. В. О составе Великой Ясы Чингисхана. С приложением главы о Ясе из «Истории» Джувейни в переводе В. Ф. Минорского // Исследования и материалы по истории России и Востока = Studies in Russian and Oriental History. 1939. № 1. С. 12–148.
3. Викторова Л. Л. Монголы. Происхождение народа и истоки культуры. М.: Наука, 1980. 225 с.
4. Материалы по истории древних кочевых народов группы дунху / отв. ред. Н. Ц. Мункуев; введ., пер. и коммент. В. С. Таскина. М.: Наука, 1984. 486 с.
5. Почекаев Р. Ю., Почекаева И. Н. Властительницы Евразии. История и мифы о правительницах тюрко-монгольских государств XIII–XIX вв. СПб.: Евразия, 2017. 384 с.
6. Рязановский Ю. Великая Яса Чингисхана // Известия юридического факультета = Memoirs of the faculty of law in Harbin. 1933. Т. 10.
7. De Nicola Bruno. Women's Role and Participation in Warfare in the Mongol Empire // In K. Klaus Latzel; S. Satjukow and F. Maubach, eds. Soldatinnen. Gewalt und Geschlecht im Krieg vom Mittelalter bis Heute. Paderborn: Schöningh, 2010. Pp. 95–112.
8. De Nicola Bruno. Women in Mongol Iran: The Khatuns, 1206–1335. Edinburgh University Press, 2017. 292 p.
9. Hibbard Caroline. Early Modern Queens Revived and Revised // Journal of Women's History. 2010. № 22. Pp. 181–190.
10. Lane George. Women and the Mongols // Daily Life in the Mongol Empire. Westport, CT: Greenwood Press, 2006. Pp. 227–254.
11. May Timothy Commercial Queens: Mongolian Khatuns and the Silk Road // Journal of the Royal Asiatic Society. 2015. № 26. Pp. 89–106.
12. Ulambayar T., Fernández-Giménez M. E. Following the Footsteps of the Mongol Queens: Why Mongolian Pastoral Women Should Be Empowered // Women as Change Agents in the World's Rangelands. Published by: Society for Range Management. 2013. № 35. Pp. 29–35.
13. Weatherford J. Genghis Khan and the Making of the Modern World. Three Rivers Press, 2005. 312 p.

Статья поступила в редакцию 25.06.2018; принята к публикации 20.09.2018

Библиографическое описание статьи

Цыпилова С. С. Женщина в средневековой Монголии: краткий исторический обзор // Гуманитарный вектор. 2018. Т. 13, № 6. С. 141–146. DOI: 10.21209/1996-7853-2018-13-6-141-145.

Snezhana S. Tsypilova,

Candidate of History,

Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies, Siberian Branch,

Russian Academy of Sciences

(6 Sakhyanovoy st., Ulan-Ude, 670047, Russia),

e-mail: ai_qing@mail.ru

A Woman in Medieval Mongolia: a Brief Historical Survey¹

This article examines the role and place of women in medieval Mongolian society. Her everyday life and position in the family were reflected in the records of explorers-travelers of the time. In the family, the woman enjoyed considerable respect. The head of the family could turn to her for advice when making important decisions. In case of her husband's death, she became the head of the family – at least before marriage of the eldest son. Women from the higher strata of the Mongolian feudal society often became regents after the death of their husbands. Considerable attention is paid to the biography of the four khans: Turakina, Ogul-Gaimish, Sorhaktani-beki, Mandukhay. Each of them left a bright mark in Mongolian history. Their experience in governing the state was not always positive. Nevertheless, representatives of the highest strata of society showed leadership qualities and were often successful in the struggle for power. There are many examples in the history of Mongolia when women had a significant influence on the political processes in the life of the state. This study is of interest to a wide range of readers.

Keywords: Mongolia, women, traditional society, power, marriage, family

References

1. Banchikov, G. G. Marriage and family among the Mongols. Ulan-Ude: Buryatskoe knizhnoe izd-vo, 1964. (In Rus.)
2. Vernadsky, G. V. About the contents of the Great Yasa Genghis Khan. Studies and materials on the history of Russia and the East (Studies in Russian and oriental history), 1939, no. 1: 12–148. (In Rus.)
3. Viktorova, L. L. Mongols. Origins of the people and origins of culture. M: Nauka, 1980. (In Rus.)
4. Materials on the history of the ancient nomadic peoples of the dunhu group. Otv. red. Munkuev, N. C.; vvedenie, per. i komment. V. S. Taskina. Moskva: Nauka, 1984. (In Rus.)
5. Pochekaev, R. Yu., Pochekaeva, I. N. The Queens of Eurasia. History and myths about the queens of the Turkic-Mongolian states of the XIII–XIX. SPb: Evraziya, 2017. (In Rus.)
6. Ryazanovsky, G. The Great Yasa of Genghis Khan. In: Memoirs of the faculty of law in Harbin. Vol. 10. 1933. (In Rus.)
7. De Nicola, Bruno. Women's Role and Participation in Warfare in the Mongol Empire. In K. Klaus Latzel; S. Satjukow and F. Maubach, eds. Soldatinnen. Gewalt und Geschlecht im Krieg vom Mittelalter bis Heute. Paderborn: Schöningh, 2010, pp. 95–112. (In Engl.)
8. De Nicola, Bruno. Women in Mongol Iran: The Khatuns, 1206–1335. Edinburgh University Press, 2017. (In Engl.)
8. Hibbard, Caroline. Early Modern Queens Revived and Revised. Journal of Women's History, no. 22, pp. 181–190, 2010. (In Engl.)
10. Lane, George. Women and the Mongols. Daily Life in the Mongol Empire. Westport, CT: Greenwood Press, pp. 227–254, 2006. (In Engl.)
11. May Timothy. Commercial Queens: Mongolian Khatuns and the Silk Road. Journal of the Royal Asiatic Society, no. 26, pp. 89–106, 2015. (In Engl.)
12. Ulambayar T. Following the Footsteps of the Mongol Queens: Why Mongolian Pastoral Women Should Be Empowered. Women as Change Agents in the World's Rangelands, no. 35 (6). pp. 29–35, 2013. (In Engl.)
13. Weatherford J. Genghis Khan and the Making of the Modern World. Three Rivers Press, 2005. (In Engl.)

Received: 25 June 2018; accepted for publication September 20, 2018

Reference to the article

Tsypilova S. S. A Woman in Medieval Mongolia: a Brief Historical Survey // Humanitarian Vector. 2018. Vol. 13, No. 6. PP. 141–145. DOI: 10.21209/1996-7853-2018-13-6-141-145.

¹ This study was supported by the Ministry of Education and Science of the Russian Federation (no. 14.W03.31.0016).